

. 25

АКТ СТАЦИОНАРНОЙ СУДЕБНО-ПСИХИАТРИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ
от 30 ИЮНЯ 1982 г. на
АРЦИМОВИЧА ВИКТОРА ВАСИЛЬЕВИЧА

Комиссия в составе:

1. председатель комиссии - зам.гл.врача ВЕСЕЛКОВОЙ М.Г.
членов комиссии
2. зам.гл.врача, канд.мед.наук КОШКАРЕВОЙ
3. врача-психиатра САЛТОВОЙ
4. врача-психиатра, зав.судотделением ШУЛЬГА В.П.

В отделении испытуемый был общителен, говорил персоналу и испытуемым, что его обвиняют в клевете на советское правительство, не скрывал, что не "уважает коммунистов", что все он "познает в сравнении". То учил испытуемых симулировать шизофрению, ТАК ОН САМ СКАЗАЛ.

Кроме того, постоянно настроивал испытуемых против политики Советского правительства, восхвалял жизнь в США. Многие испытуемые под его влиянием также стали высказывать недовольства, заявляли, что зажимают права осужденных. Он советовал им написать в ООН. Говорил, что если бы он был у власти, то "создал бы такую политику", что можно было бы ездить в США и обратно и читать литературу.

Звал санитаров после его освобождения ходить с ним в церковь.

Фон настроения постоянно был повышен, улыбался, оставаясь один, что-то шептал, однако наличие у него "голосов" категорически отрицал.

Сам активно к врачу с какими-либо вопросами не обращался. Единственно о чем просил - отправить в СИЗО, т.к. там было лучше, чем в больнице, т.к. можно было читать труды Ленина.

На комиссии - по поводу политики отстаивал свои "концепции", просил "снять" диагноз шизофрении, что он отбудет срок наказания, после освобождения уедет за границу, как якобы пообещали в КГБ, а если ему запретят выезд, то пойдет учиться в духовную семинарию.

На основании изложенного комиссия приходит к выводу:

Арцимович страдает хроническим душевным заболеванием в форме шизофрении.

Об этом свидетельствуют данные анамнеза о появлении у испытуемого в пубертатном возрасте и постепенном усложнении аффективных нарушений, нарастающим замкнутости, отгороженности, периодов безрадостного настроения с выраженным апатическим компонентом, появлением философской интоксикации, лечение в псих.больнице по поводу данного заболевания.

Об этом свидетельствует также выявленные при клиническом обследовании нарушение мышления (резонерство, паралогии, элементы соскальзывания, паранояльные бредовые идеи реформаторства), эмоциональные изменения (эмоциональная холодность, амбивалентность, неадекватность), а также отсутствие критики к своему состоянию и правонарушению.

А поэтому, как страдающего хроническим душевным заболеванием, развившемся задолго до совершенного инкриминируемого деяния, следует считать невменяемым.

Аффективная насыщенность паранояльных бредовых идей, их направленность против политики государства, отсутствие критики к ним, обуславливают особую социальную опасность Арцимовича и поэтому он нуждается в принудительном лечении в псих.больнице спец.типа.

11

КОММЕНТАРИИ СУБЪЕКТА ИСПЫТАНИЯ

Этот акт экспертизы был выписан из моего судебного дела моей женой. Читая его нужно иметь в виду полное бесправие самого испытуемого. Меня не знакомили с текстом экспертизы; ко мне не допустили адвоката (несмотря на письменное заявление об этом); меня судили заочно. Кроме того, в отличие от гуманных судебных порядков в царской России, у нас подследственному запрещаются не только свидания, но и переписка с кем бы то ни было. Это бесправие подсудимого, которому готовят участь больного, почему-то до сих пор не привлекло внимания наших реформаторов юстиции. А это значит, что на человека можно навесить все, что угодно. Провергнуть-то некому!

Я проиллюстрирую это на нескольких примерах. Например, в экспертизе утверждается, что я звал санитаров после своего освобождения ходить со мной в церковь. На самом деле было так: подходит ко мне как-то один санитар и спрашивает: "Ты в Бога веришь?". Я отвечаю: "Верю.". Он: "Молитву знаешь?". Я: "Знаю". Он: "Прочти". Я прочел ему "Отче наш...". Потом он спрашивает: "Ты пойдешь со мной в церковь после освобождения?". Я отвечаю: "Отчего же нет, дело хорошее." Итак, санитар был в единственном числе; и он скорее сам звал меня в церковь, чем я его. Это еще ладно, что он возвел на меня именно эту, довольно лестную, клевету. (Это только теперь, при некотором потеплении отношения нашего государства к религии, эта клевета выглядит довольно невинно. В 1982 г. она была достаточно устрашающей). А если бы он бэдумал утверждать, что я его избил? Я был бы совершенно беспомощен и против клеветы такого рода.

Или взять утверждение, что я учил испытуемых симулировать шизофрению. Подошел ко мне один уголовник и попросил рассказать ему, что такое шизофрения. Я поделился с ним своими познаниями об этом. Итак, во-первых, это был всего один человек. Спрашивается, зачем опять нужно выдавать единственное число за множественное? Во-вторых, в акте даже выделено, что я сам, якобы, признался в том, что я "учил симулировать". Ничего подобного. На самом деле, на вопрос эксперта Шульги В.П., рассказывал ли я одному испытуемому о шизофрении, я ответил утвердительно. На вопрос же, зачем я это делал, я тогда затруднился ответить. Вопрос этот показывается мне нелепым: как если бы меня спросили, зачем я подсказал прохожему, как найти нужное ему место.

Меня никто не предупреждал, что я не имею права делиться с людьми своими знаниями. Я не просил, чтобы меня в наручниках отправляли в одну компанию с уголовниками. Если уж знания интеллигента могут дурно повлиять на них, то нечего их и содержать вместе.

Далее. Писать в ООН я никому тогда не мог советовать, потому что знал, куда попадет подобное письмо.

И, обратите внимание, каким активно-общительным я представлен в акте экспертизы! Между тем, в устной речи на суде эксперт Шульга В.П. утверждала (Протокол, лист 35, оборот), что я "человек замкнутый, необщительный, не может находиться в компании людей...". Да и в конце акта тоже говорится о нарастании у меня замкнутости, отгороженности...

В акте экспертизы почему-то ничего не сообщается о моей лекции, прочитанной по просьбе так называемых испытуемых, на тему "Понятие Бога в Библии", за которую я отсидел 5 или 6 суток в больничном карцере. Ничего себе! Почти половину срока экспертизы человек провел в карцере, а в акте об этом умалчивается!

Все изложенное выше указывает на то, что в правовом государстве должен быть защищен от произвола и человек, подозреваемый в наличии у него психического заболевания. Необходимо допускать к нему адвоката и судить его нужно обязательно очно и судом присяжных.

Декабрь, 1989 г.

Виктор Арцимович